

А. А. Лопухинъ.

ИЗЪ ИТОГОВЪ
СЛУЖЕБНАГО ОПЫТА.

Издание В. М. Саблина.

А. А. Лопухинъ.

НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ
РУССКОЙ ПОЛИЦИИ.

Москва. — 1907.

801-95
6379-4
801-15
1288

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе.

Существующіе въ Россіи виды полицій.

Политическая полиція (жандармерія)

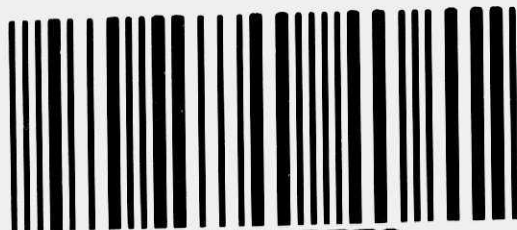
Двоевластіе въ ея устройствѣ.

Ея дѣятельность.

Организація и дѣятельность наружной полиціи.

Общая оцѣнка дѣятельности полиціи въ Россіи.

Необходимыя преобразованія.

2007057770

ТИПОГРАФІЯ В. М. САВЛИНА.

Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34

Въ ряду предстоящихъ въ Россіи реформъ, неотложность которыхъ признана и общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ, одной изъ имѣющихъ наиболѣе крупное значеніе представляется реформа полиціи. Ей, при новомъ конституціонномъ строѣ, предстоятъ инныя, чѣмъ прежде, задачи и роль; для исполненія ихъ она не можетъ сохранить ни началъ, на которыхъ она теперь построена, ни современной своей организаціи. Ея устройство, просуществовавшее около ста лѣтъ, подвергалось за это время различнымъ измѣненіямъ; но всѣ они не касались принципа, положеннаго въ основу учрежденія, и если затрагивали его формы, то вносили въ нихъ исправленія лишь количественныя, а не качественныя. Всѣ преобразованія состояли только въ созданіи новыхъ органовъ полиціи, появлявшихся въ видѣ новыхъ раз-

вѣтвленій старой ея организаціи. Такое значеніе, помимо разновременно произведенныхъ пересмотровъ штатовъ полиціи, имѣли и наиболѣе выдающіяся въ отношеніи ея законодательныя мѣры, какъ учрежденіе въ 1878 г. полицейскихъ урядниковъ и послѣдовавшее въ 1903 г. упраздненіе сельской сословной полиціи, съ замѣной ея полицейской стражей. Ни одного коренного преобразованія въ учрежденіи полиціи съ тѣхъ поръ, какъ она стала учрежденіемъ, произведено не было. Отрицаніе его необходимости являлось прямымъ послѣдствіемъ всего государственнаго строя страны. Для исполненія той задачи, которая этимъ строємъ полиціи ставилась, полиція, образованная на иныхъ началахъ, была-бы непригодна; слѣдовательно, въ измѣненіи основного принципа, съ точки зрѣнія даннаго режима, не представлялось и надобности, и всѣ обнаруживавшіеся недостатки дѣятельности полиціи вызывали только частичныя ихъ исправленія.

Присущій самодержавно-бюрократическому строю формализмъ представленія о государствѣ, какъ о чемъ-то отвлеченномъ отъ народа, вполне послѣдовательно велъ
2 къ отрицанію народа, какъ цѣлаго, къ

отрицанію народныхъ интересовъ, дробилъ народъ на отдѣльныхъ обывателей и допускалъ признаніе не общественныхъ, а обывательскихъ интересовъ. Всякая группировка обывателей должна была неминуемо стать въ противорѣчіе съ основной идеей государства, а потому государство рассматривало каждый общественный союзъ, какъ явленіе, ему враждебное. Вынужденное юридическое признаніе общественныхъ организацій государствомъ дѣлало ихъ только терпимыми и, въ качествѣ таковыхъ, для огражденія государства отъ ихъ распространенія подлежащими съ его стороны надзору.

Этимъ опредѣлялись задачи и роль полиціи въ ряду учреждений государства. Она должна была охранять интересы обывателя, она должна была наблюдать за естественной тенденціей его къ объединенію и защищать отъ проявленій послѣдняго государство. Для исполненія этихъ цѣлей она должна была быть противопоставлена населенію и не могла находиться въ какой-либо отъ него зависимости. Полиція въ Россіи была поставлена въ зависимость отъ государства, являвшагося противоположеніемъ народу. Отъ государства она получала и санкцію, и средства, и директивы.
3

И если существовавшая у насъ полиція сельская была построена на выборномъ началѣ и содержалась на средства крестьянскаго сословія, то, несмотря на это, она могла только называться полиціей коммунальной. Въ дѣйствительности-же исключеніемъ изъ общаго типа нашей полиціи она не была, ибо существовала не въ качествѣ права, а въ видѣ повинности, допускалась не въ интересахъ населенія, а по соображеніямъ фискальнымъ и находилась въ подчиненіи органамъ полиціи государства, состояла на службѣ у него, а не у населенія. Упраздненіе ея увѣнчало организацію полиціи государства. Само по себѣ это упраздненіе не могло не имѣть значенія полезной для населенія мѣры, уничтожавшей натуральную повинность и освобождавшей наиболѣе приниженное сословіе отъ несправедливаго бремени. Но упраздненіемъ сельской полиціи государство не ограничилось и, прибѣгнувъ къ нему какъ-бы изъ страха передъ внѣшнимъ признакомъ власти въ рукахъ общественной группы, поспѣшило замѣнить ее новыми органами своей полицейской силы. Учрежденіе сельской стражи было послѣднимъ полицейскимъ клиномъ, загнаннымъ въ толщу народной массы. Оно роковымъ

4

образомъ совпало съ кануномъ гибели самодержавно-бюрократическаго строя.

Теперь, когда въ Россіи признано существованіе и народа, какъ цѣлаго, и народной воли, и народныхъ интересовъ, когда понятіе государства, въ качествѣ стоящаго отдѣльно отъ народа и надъ нимъ учрежденія, должно исчезнуть, старыя государственныя установленія неминуемо окажутся въ прямомъ съ новымъ строемъ противорѣчій. Оставаясь неприкосновенными въ своемъ устройствѣ, они или станутъ бездѣтельными, омертвѣвшими органами живого тѣла, или, почерпнувъ дальнѣйшую жизнеспособность въ пережиткахъ прежней идеи государства, будутъ представлять изъ себя постоянную угрозу свободному отъ государственной опеки народу. Это отрицательное значеніе, преимущественно передъ всѣми учрежденіями, пріобрѣтаетъ полиція. Въ ней заключалась вся сила покончившаго свое существованіе режима,—къ ней первой онъ прибѣгнетъ въ случаѣ попытки къ его возрожденію. Ея несоотвѣтствіе новымъ условіямъ государственной жизни уже сказалось на первыхъ-же ея порахъ.

Прежнія задачи полиціи наблюденія за населеніемъ, за его стремленіемъ къ единенію и организаціи, защита отъ него го-

сударства отпадаютъ. На ихъ мѣсто выдвигается имѣвшая до сихъ поръ второстепенное значеніе задача охраны личныхъ и имущественныхъ интересовъ обывателя, къ ней присоединяются новыя задачи охраны его гражданскихъ и политическихъ правъ, защиты политическихъ учрежденій страны. Мѣняется и роль полиціи. Являясь до сихъ поръ органомъ государства, она относилась къ нему, какъ часть къ цѣлому, и, вслѣдствіе этого, постольку отстаивала свои собственные. Въ этомъ отождествленіи интересовъ государства и полиціи, въ доминирующемъ надъ народомъ и его нуждами положеніи государства, а съ нимъ и полиціи, коренилось ея пренебреженіе къ элементарнымъ гарантіямъ правъ населенія, пренебреженіе къ закону. Отнынѣ, съ устраненіемъ раздѣленія государства и народа, съ долженствующимъ наступить господствомъ его правъ, полиція должна стать въ положеніе по отношенію къ нему служебное, и только въ обезпечивающемъ эти права законѣ черпать директивы своей дѣятельности.

Итакъ, вся организація полиціи въ Россіи подлежитъ реформированію. Преобразование полиціи становится дѣломъ тѣмъ

болѣе неотложнымъ, что именно ей принадлежитъ въ настоящее время главенствующая роль среди всѣхъ учрежденій страны и, слѣдовательно, на нее падаетъ наибольшая доля вины въ творящемся въ Россіи хаосѣ. Исчезновеніе его можетъ наступить только съ водвореніемъ господства права, гражданской и политической свободы. Но при немъ и безъ него устраненіе нарушеній порядка лежитъ на обязанности полиціи. Но въ силахъ-ли она съ ними справиться, входитъ-ли она въ число причинъ, ихъ поражающихъ,—дальнѣйшее сохраненіе существующей организаціи полиціи ни съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ, народныхъ интересовъ, ни съ точки зрѣнія порядка въ узкомъ смыслѣ этого слова терпимо быть не можетъ. Вопросомъ могутъ быть лишь размѣры преобразования, степень необходимой ломки учрежденія, начала и формы его будущаго устройства. Вопросы эти находятся въ прямой зависимости отъ детальной оцѣнки его современнаго устройства. Эту оцѣнку и соображенія о желательной организаціи полиціи въ Россіи мы и попытаемся дать въ настоящемъ очеркѣ.

Система или, вѣрнѣе, безсистемность кодификаціи русскихъ законовъ не нашла нужнымъ въ сводѣ ихъ отвести полиціи особое мѣсто. Постановленія, опредѣляющія устройство полиціи, отношенія ея къ другимъ учрежденіямъ, ея обязанности, полномочія и порядокъ дѣйствій сосредоточиваются преимущественно въ общемъ учрежденіи губернскомъ (томъ II-й свода законовъ); помимо него они разбросаны въ разныхъ положеніяхъ и уставахъ различныхъ томовъ свода законовъ и находятся даже въ сводѣ военныхъ постановленій, гдѣ изложено положеніе объ отдѣльномъ корпусѣ жандармовъ (раздѣлъ V книги III свода военныхъ постановленій 1869 г.). Составляя длинный рядъ законодательныхъ наслоеній, создававшихся рѣдко въ видѣ мѣръ общихъ, вытекавшихъ изъ сознательной, плановой законодательной дѣятельности государства, по большей части-же, въ видѣ мѣръ случайныхъ, появлявшихся въ зависимости отъ преходящихъ условій даннаго времени и отдѣльной мѣстности, постановленія эти то учреждали новые полицейскіе органы, съ распространеніемъ на нихъ ранѣе признанныхъ закономъ обязанностей и правъ, то расширяли сферу дѣятельности уже существовавшихъ поли-

цейскихъ учреждений, то, наконецъ, создавали новые спеціальные органы съ новыми задачами и полномочіями. По мѣрѣ того, какъ такія новеллы появлялись, онѣ размѣщались въ сводѣ законовъ въ зависимости отъ тѣхъ поводовъ, которыми были вызваны, иногда даже въ зависимости отъ того, какимъ вѣдомствомъ необходимость ихъ была указана. Существовали, да могутъ и теперь оказаться такія относящіяся до полиціи распоряженія законодательной власти, которыя въ сводѣ законовъ и не вносились и даже не опубликовывались. Случайность ихъ изданія и беспорядочность кодификаціи привели къ тому, что не только обывателю, но даже должностнымъ лицамъ, даже центральному, вѣдающему дѣла полиціи, органу министерства внутреннихъ дѣлъ нѣтъ иногда возможности опредѣлить для каждой мѣстности, какія полицейскія власти въ ней дѣйствуютъ. Причемъ спутанность разновременно издававшихся, дополнявшихся и отмѣнявшихся высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта, положеній комитета министровъ и, послѣдовавшихъ въ формѣ декретовъ, распоряженій доходитъ до того, что еще весьма недавно въ одной губерніи возникла переписка о принадлежности

полицейской власти начальнику одной случайной конюшни государственного коннозаводства. Отсутствие специального сборника правил об устройстве полиции и ее службы, полицейского устава, составляет пробел в свод законов, особенно существенный в виду исключительной сложности полицейских учреждений России.

Полиция в России делится на общую и жандармскую, наружную и политическую, конную и пѣшую, городскую и уѣздную, сыскную, состоящую в нѣсколькихъ большихъ городахъ для розыска по общеуголовнымъ дѣламъ, фабричную—на фабрикахъ и заводахъ, желѣзнодорожную, портовую, рѣчную и горную—на золотыхъ промыслахъ. Кроме того, существуютъ: полиция волостная и сельская, полиция мызная, полевая и лѣсная стража для охраны полей и лѣсовъ. По способу организации полиция можетъ быть подраздѣлена на пять типовъ: военной, гражданской, смѣшанной, коммунальной и вотчинной. Военная организация присвоена в России только жандармеріи; кроме нея, не будучи полицией, полицейскія обязанности несетъ военная часть в Амурской области, конный полкъ амурскаго казачьяго войска. Гра-

жданское устройство имѣетъ такъ называемая наружная (въ противоположность политической—жандармеріи) полиция, кроме принадлежащей къ ней земской стражи Царства Польскаго, которая представляетъ смѣшанный типъ полугражданской, полувоенной организации. Коммунальной полицией, построенной на выборномъ началѣ и обслуживающей только свою общину, являются волостная, существующая в Прибалтійскихъ губерніяхъ, и сельская полиция—десятскіе. И, наконецъ, вотчинное начало имѣютъ мызная полиция, а также и полевая и лѣсная стражи.

Объемъ нашего очерка не позволяетъ намъ входить въ подробное описаніе и оцѣнку всѣхъ видовъ полиции. Они и не нужны для нашей задачи. Для выполненія ее, для опредѣленія степени пригодности нынѣ существующей полиции при новомъ государственномъ строѣ достаточно выяснить только основныя ее начала, а также государственное значеніе ихъ. Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ изслѣдованіе всѣхъ безъ исключенія полицейскихъ организаций, имѣющихъ специальное назначеніе, а такія учрежденія, какъ волостная, сельская и мызная полиция, не требуютъ особаго изслѣдованія для признанія своевре-

менности ихъ упраздненія. Дальнѣйшее сохраненіе ихъ не можетъ быть допущено потому, что онѣ построены на сословномъ принципѣ и однѣ (волостная и сельская) составляютъ тяжелую повинность крестьянства, а другія (мызная полиція, полевая и лѣсная стражи) поставлены въ законѣ, какъ сословная и классовая привилегіи. Мызная полиція осталась въ остзейскихъ провинціяхъ въ качествѣ наслѣдія феодальнаго строя, въ видѣ полицейской власти помѣщика - дворянина, а полевая и лѣсная стражи учреждаются въ предѣлахъ частнаго владѣнія по желанію владѣльца и оплачиваются особымъ сборомъ, вслѣдствіе чего представляются доступной только крупнымъ землевладѣльцамъ привилегіей. Очевидно, что для какого-либо сословнаго устройства полиціи, которое можетъ быть или несправедливой тяготой, или произволомъ, среди учрежденій государства не должно быть мѣста.

Что касается до остальныхъ видовъ полиціи, то всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ группамъ—полиціи наружной и политической.

12 Это дѣленіе принято только однимъ русскимъ законодательствомъ. Ни въ одномъ иностранномъ государствѣ особой политиче-

ской полиціи не существуетъ. Въ государствахъ этихъ обнаруженіе и изслѣдованіе политическихъ преступленій входятъ въ кругъ обязанностей общей полиціи или судебной тамъ, гдѣ таковая отдѣльно отъ наружной полиціи имѣется.

Въ Россіи къ учрежденію политической полиціи, въ составѣ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, государственная власть прибѣгла подъ страхомъ угрозы самодержавію, созданной декабрьскимъ бунтомъ 1825 г. Корпусъ жандармовъ въ Россіи былъ основанъ въ 1826 г. для охраны самодержавной монархической власти отъ новыхъ на нее посягательствъ, для наблюденія за состояніемъ умовъ, за настроеніемъ общества и для доведенія о томъ до свѣдѣнія верховной власти. Ему была придана также и другая задача—доносить о произволѣ и злоупотребленіяхъ дворянъ-помѣщиковъ и чиновниковъ. Для успѣха его дѣятельности ему была присвоена полная независимость отъ какого-либо, помимо іерархическаго, надзора. Не только мѣстному, губернаторскому или прокурорскому, но и центральному, сенатскому надзору онъ подчиненъ не былъ. Для руководства дѣятельностью корпуса жандармовъ законъ не далъ ни одного указанія. Когда-же жизнь потребо-

вала эту дѣятельность какими-нибудь нормами регулировать, императоръ Николай I передалъ шефу жандармовъ свой носовой платокъ, сказавъ, что онъ вмѣсто писанной инструкціи долженъ служить символомъ дѣятельности жандармовъ, призванныхъ утирать слезы обиженнымъ и угнетеннымъ. Это призваніе такъ и осталось ничѣмъ не определеннымъ, и вся дѣятельность жандармеріи свелась къ доносу. Такова была ея первоначальная юридическая и этическая основа.

Съ изданіемъ судебныхъ уставовъ императора Александра II, явившихся первымъ осуществленіемъ идеи правового государства, для существованія корпуса жандармовъ не осталось никакого повода. Административное преслѣдованіе политическаго настроенія должно было уступить мѣсто суду надъ политическимъ преступленіемъ, и жандармскіе доносы, служившіе ранѣе основаніемъ административныхъ каръ, потеряли практическое значеніе, разбиваясь о выдвинутыя судебными уставами гарантіи неприкосновенности личности, разлагаясь въ горнилѣ судебного изслѣдованія. Но сказавшаяся во второй половинѣ царствованія Александра II реакція сохранила и укрѣпила отживавшее учрежденіе кор-

пуса жандармовъ. Закономъ 19 мая 1871 года жандармерія изъ органа наблюденія и доноса была обращена въ органъ судебного изслѣдованія и преслѣдованія политическихъ преступленій. Въ такомъ видѣ она существуетъ и понынѣ.

Отмѣченная нами выше обособленность корпуса жандармовъ отъ другихъ учреждений проведена закономъ и въ настоящей его организаци. Сохранивъ независимость его отъ надзора сената и губернаторовъ, законъ въ отношеніи жандармовъ лишилъ прокуратуру той доли дисциплинарной власти, которой она надѣлена въ отношеніи чиновъ полиціи вообще, и тѣмъ обратилъ надзоръ прокуратуры за дѣятельностью жандармеріи въ бумажный контроль, вполнѣ лишенный дѣйствительной силы. Кромѣ права предъявленія жандармскому начальству жалобъ на неправильныя дѣйствія его подчиненныхъ, у прокуратуры не имѣется никакого средства для воздѣйствія на чиновъ корпуса, который, благодаря этому, дѣлается свободнымъ отъ надзора и фактически безотвѣтственнымъ даже въ области обнаруженія и изслѣдованія преступленій. При этомъ сосредоточеніи всей власти управленія корпусомъ жандармовъ въ рукахъ его начальства, законъ ввелъ въ эту власть

такое раздвоение, раздробилъ и ея надзоръ такъ, что послѣдній и въ порядкѣ іерархическомъ никакому осуществленію не поддается. Корпусъ жандармовъ числится по военному вѣдомству, по бюджету котораго и содержится, но подчиненъ гражданской власти въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, шефа жандармовъ, которому принадлежитъ главное начальствованіе надъ нимъ. Непосредственное начальствованіе возложено на корпуснаго командира, подчиненнаго шефу. На такомъ раздвоеніи жандармеріи между военной и гражданской властями законъ, однако, не остановился, а провелъ его и въ предѣлахъ подчиненія жандармовъ гражданскому начальству. На основаніи положенія о корпусѣ, его шефъ „дѣйствуетъ по строевой, хозяйственной, инспекторской и военно-судебной частямъ черезъ штабъ корпуса, а по предметамъ, относящимся до обнаруженія и изслѣдованія преступленій, черезъ департаментъ полиціи“. Иными словами, организація и воздѣйствіе на личный составъ принадлежатъ командиру корпуса и его штабу, а руководство дѣятельностью—департаменту полиціи; первымъ присвоена вся власть безъ права вмѣшательства въ существо дѣятельности жандармовъ, второму—направленіе этой дѣятельности безъ

власти. Хотя корпусное начальство и департаментъ полиціи объединены совмѣстнымъ подчиненіемъ министру внутреннихъ дѣлъ, но это объединеніе никакого реальнаго значенія не имѣетъ. Министръ по многосложности своихъ дѣлъ не имѣетъ возможности входить въ разсмотрѣніе частныхъ, отдѣльныхъ случаевъ пререканій между подчиненными ему органами и долженъ требовать отъ нихъ соглашенія другъ съ другомъ. Помимо же этого, размѣры самостоятельной власти назначенія, поощренія и дисциплинарныхъ взысканій, которою въ отношеніи чиновъ корпуса надѣленъ и командиръ, и штабъ, настолько обширны, что почти всецѣло охватываютъ все управленіе корпусомъ и не оставляютъ мѣста поводамъ къ обращенію со стороны департамента полиціи со своими заявленіями и жалобами къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, законъ старательно обошелъ всѣ условія, которыя обеспечивали бы департаменту полиціи неуклонное исполненіе жандармскими чинами предъявляемыхъ имъ требованій и поставилъ его въ зависимость исключительно отъ характера личныхъ отношеній между корпуснымъ начальствомъ и директоромъ департамента полиціи. Однако, такимъ молчаливымъ ли-

шеніемъ департамента полиціи власти законъ не ограничился. Ложность положенія, въ которое этотъ органъ министерства поставленъ въ отношеніи корпуса жандармовъ, усугубляется особымъ постановленіемъ закона, который въ удачно маскирующей дѣйствительныя цѣли законодателя формѣ открываетъ военному начальству корпуса не прямымъ, а косвеннымъ путемъ доступъ къ вмѣшательству въ самую дѣятельность департамента полиціи. Статья 671-я положенія о корпусѣ жандармовъ гласитъ, что начальникъ его штаба „долженъ имѣть всѣ тѣ о корпусѣ свѣдѣнія, которыя необходимы какъ для соображеній шефа или командира, такъ и для исполнительныхъ распоряженій по ввѣренному ему штабу“. Нѣтъ казалось бы, сомнѣнія, что свѣдѣніями, на которыя начальство штаба корпуса должно имѣть право, могутъ быть только тѣ, которыя касаются строевой, хозяйственной, инспекторской и военно-судной частей; но умолчаніе объ этомъ вышеприведенной статьи закона, совершенная неопредѣленность помѣщенныхъ въ ней выраженій— „соображеній“ и „исполнительныхъ распоряженій“—даютъ полный просторъ толкованіямъ и возможности основывать на нихъ право начальника штаба требовать отъ сво-

18

ихъ подчиненныхъ свѣдѣнія не только по предметамъ, входящимъ въ кругъ его вѣдѣнія, но и по поводу дѣятельности жандармскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и по поводу получаемыхъ ими отъ департамента полиціи распоряженій.

Департаментъ полиціи въ силу этого самъ оказывается подъ надзоромъ корпуса жандармовъ въ лицѣ его начальства и при томъ подъ надзоромъ, способнымъ принять въ случаѣ надобности характеръ активного вмѣшательства въ распоряженія департамента. Онъ можетъ быть тѣмъ дѣйствительнѣе, тѣмъ болѣе парализовать руководящую дѣятельность департамента, чѣмъ менѣе онъ будетъ осязателенъ, чѣмъ меньше станетъ онъ заявлять о своемъ существованіи. Ему нѣтъ надобности распространяться на всѣ конкретные случаи. Достаточно нѣсколькихъ, сказанныхъ командиромъ корпуса или начальникомъ штаба при свиданіяхъ съ подчиненными словъ, чтобы всякія распоряженія департамента полиціи оставались мертвой буквой. Какъ-бы ни были настойчивы его указанія, имъ никогда не будетъ суждено быть исполненными, если они окажутся несогласными со взглядами непосредственнаго жандармскаго начальства, ибо въ глазахъ жандармскихъ чиновъ, съ одной

19

стороны, есть только голое право предъявленія требованій, а съ другой—фактическая власть ихъ предъявленія, опирающаяся на право наложенія дисциплинарныхъ взысканій, повышенія въ должности и награжденія. И пользованіе этой властью тѣмъ доступнѣе, что безнаказанность злоупотребленій ею обеспечивается взаимной поддержкой ея носителей и исполнителей ихъ вѣлѣній.

Таковы основы, на которыхъ зиждется организація корпуса жандармовъ и практическое ихъ значеніе. Двоевластіе въ его управленіи и привилегированное положеніе, въ которое онъ поставленъ среди губернскихъ учрежденій, привели къ созданію въ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ центрахъ, гдѣ сосредоточивается борьба правительственной власти съ политическимъ движеніемъ, особыхъ учреждений, предназначенныхъ сблизить обнаруженіе и изслѣдованіе политическихъ преступленій съ административной дѣятельностью губернскихъ властей и по возможности ослабить ихъ зависимость отъ военного жандармскаго начальства. Этими учрежденіями явились такъ называемыя охранныя отдѣленія или, по оффиціальному ихъ наименованію, отдѣленія по охраненію государственнаго порядка

и общественнаго спокойствія. Приданное имъ законодателемъ значеніе коррективовъ къ дѣятельности жандармеріи дѣлаетъ невозможнымъ упоминаніе о нихъ безъ изслѣдованія самой этой дѣятельности. Къ ней мы и перейдемъ.

Обязанности отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ качествѣ политической полиціи перечислены въ положеніи о немъ и заключаются въ обнаруженіи и изслѣдованіи такъ называемыхъ государственныхъ преступленій. Въ отношеніи порядка его дѣйствій положеніе о корпусѣ дѣлаетъ ссылку на тѣ статьи устава уголовного судопроизводства (1035—1035¹¹), которыя посвящены производству дознаній объ этихъ преступленіяхъ. Но при этомъ положеніе добавляетъ (ст. 690), что въ своей дѣятельности, на ряду съ закономъ установленными судопроизводственными правилами, жандармскіе чины должны руководствоваться „также указаніями и разъясненіями своего жандармскаго начальства“. Это дополнительное постановленіе, вновь косвенно санкціонируя вмѣшательство жандармскаго начальства въ руководящія дѣятельностью жандармовъ распоряженія департамента полиціи, должно быть отмѣчено и въ иномъ отношеніи. Оно обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что по

содержанію своему не дѣлаетъ никакого различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, уравниваетъ обязательность того и другого и, слѣдовательно, умаляя значеніе, для жандармскихъ чиновъ, закона—усиливаетъ значеніе, для нихъ, приказанія начальства. Очевидно, что съ точки зрѣнія практической, съ точки зрѣнія служебнаго обихода приказаніе начальства получаетъ преобладаніе надъ закономъ.

Но и самъ законъ для жандармской дѣятельности въ области обнаруженія и изслѣдованія политическихъ преступленій всѣ свои постановленія лишилъ наиболѣе существеннаго ихъ содержанія. Выдающимся отличіемъ правилъ о порядкѣ производства дознаній объ этихъ преступленіяхъ представляется совершенное упраздненіе элементарныхъ гарантій личной неприкосновенности. По принятому уставомъ уголовного судопроизводства принципу, соблюденіе котораго поставлено въ обязанность общей полиціи по общимъ преступленіямъ, производство ею обысковъ и арестовъ допустимо только въ исключительныхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ и только при невозможности немедленнаго прибытія представителя судебно-слѣдственной власти на мѣсто изслѣдованія. Причемъ всѣ

предпринятые въ такихъ случаяхъ мѣры подвергаются, по закону, провѣркѣ со стороны слѣдователя—судьи. Для чиновъ корпуса жандармовъ, по политическимъ дѣламъ эти принципы устранены и имъ разрѣшены и приводъ обвиняемаго къ дознанію, и обыскъ, и арестъ его внѣ зависимости отъ степени неотложности этихъ мѣръ и возможности выполненія ихъ слѣдственной властью. При чемъ, тогда какъ даже судебные слѣдователи въ правѣ ареста ограничены размѣрами грозящаго обвиняемому наказанія и значеніемъ самого ареста, какъ средства обезпеченія явки обвиняемаго къ суду, жандармеріи въ заключеніи обвиняемыхъ подѣ стражу законъ предоставляетъ полный просторъ, разрѣшая прибѣгать къ нему безотносительно къ тяжести обвиненія и въ качествѣ способа устраненія сношеній между лицами, совмѣстно привлеченными къ одному дѣлу. Даже выемку и осмотръ корреспонденціи обвиняемаго, доступные судебнымъ слѣдователямъ не иначе, какъ съ разрѣшенія суда, жандармы уполномочены закономъ производить на основаніи никѣмъ не утверждаемаго соглашенія съ прокуроромъ. И всѣ слѣдственные дѣйствія по дознаніямъ, находящіяся въ отношеніи общей полиціи подѣ

контролемъ суда, въ отношеніи жандармовъ поставлены лишь подъ надзоръ прокуратуры. Для него законъ не создалъ никакой формальной опоры, не призналъ за обвиняемымъ тѣхъ правъ, защищать которыя приходилось бы прокурорскому надзору; вслѣдствіе чего его обязанности касаются вопросовъ права только въ отношеніи юридической квалификаціи изслѣдуемаго событія и сосредоточены на вопросахъ факта, т.-е. полнотѣ изслѣдованія и доказанности вины. Но и этотъ надзоръ для успѣха преслѣдованія политическихъ преступленій оказался чрезмѣрно стѣснительнымъ.

Дѣятельность жандармеріи по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, какъ и дѣятельность всякой полиціи по всякимъ уголовнымъ дѣламъ, распадается на два порядка, по двумъ поставленнымъ ей задачамъ,—обнаруженія и изслѣдованія уголовно-наказуемаго дѣянія. Но по дѣламъ о преступленіяхъ общеуголовныхъ такое подраздѣленіе имѣетъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, значеніе только формальное. Практически полиція не можетъ обнаружить преступленіе не совершившееся, еще только задуманное. Поэтому обнаруженіе преступнаго событія заключается не въ какой-либо предшествующей ему активной дѣятельно-

сти полиціи, а въ послѣдующемъ его констатированіи, непосредственно сопровождаемомъ производствомъ его изслѣдованія. Совершенно иное наблюдается въ отношеніи преступленій политическихъ. Въ виду интеллектуального свойства и длительности большинства изъ нихъ, а также въ виду той тайны, которою признаваемое по закону преступнымъ событіе его творцами облагается, обнаруженіе и изслѣдованіе его не только юридически, но и практически другъ отъ друга отдѣляются. Для обнаруженія преступленія со стороны полиціи требуется выполненіе цѣлаго ряда активныхъ дѣйствій, и когда они приведутъ къ разоблаченію подлежащаго уголовной карѣ явленія, таковое дѣлается предметомъ изслѣдованія. Этой отличительной чертой политическихъ преступленій въ значительномъ количествѣ случаевъ опредѣляются и способы ихъ обнаруженія. Полиціи приходится или проникать въ область интеллектуальной жизни заподозрѣнныхъ ею въ преступленіи лицъ, и для своего успѣха принимать личину сочувствія и единомыслія имъ, или прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ, которыя связаны съ нарушеніемъ свободы частныхъ лицъ и потому примѣнимы только въ порядкѣ изслѣдованія уже обнаруженнаго

преступленія. Между тѣмъ первый способъ опорочиваетъ достоинство удостоверяющихъ существованіе преступленія данныхъ, а второй допустимъ по закону только при наличности достаточныхъ для его примѣненія фактическихъ основаній. И вотъ на этой почвѣ, на почвѣ этическихъ и логическихъ толкованій пріемовъ выясненія обстоятельствъ дѣла и доказательнаго ихъ значенія, успѣхъ жандармскихъ дознаній, несмотря на значительно освобожденный отъ формальныхъ стѣсненій порядокъ изслѣдованія, встрѣчаетъ со стороны прокуратуры преграды. Законъ освободилъ жандармерию и отъ нихъ. Средствомъ къ тому послужило такъ-называемое положеніе объ охранѣ, изданное въ видѣ мѣры временной, но дѣйствующее въ Россіи и понынѣ.

26 Высочайше утвержденное 14 августа 1881 года положеніе комитета министровъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія поставило все населеніе Россіи въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія чиновъ политической полиціи. Имъ было положеніемъ этимъ предоставлено право ареста всѣхъ лицъ, внушающихъ „основательное подозрѣніе“ въ „прикосновенности“ къ государственному преступленію и въ принадлеж-

ности къ противозаконному сообществу. Такимъ образомъ, для ареста, вмѣсто объективныхъ признаковъ виновности, было признано достаточнымъ присутствіе у любого жандармскаго чина субъективнаго впечатлѣнія подозрѣнія въ виновности лица. При чемъ право жандармскихъ подозрѣній было распространено не только на участіе въ сообществахъ, уголовно наказуемыхъ, но и на принадлежность къ такимъ, которыя личнымъ усмотрѣніемъ представителя жандармеріи признаются противорѣчащими закону, и не только на преступленія, но даже на прикосновенность къ нимъ, т.-е. на такое къ нимъ отношеніе, которое ни одному изъ видовъ сознательнаго участія въ преступленіи, извѣстныхъ уголовному кодексу, не соотвѣтствуетъ и, слѣдовательно, представляется съ точки зрѣнія юридической безразличнымъ. Для производства же обысковъ положеніе объ охранѣ не нашло нужнымъ стѣснять усмотрѣніе жандармовъ хотя-бы требованіемъ „основательнаго подозрѣнія“ и разрѣшило ихъ „во всякое время“, „во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ“ (ст. 21). Отъ надзора прокуратуры осуществляемая въ порядкѣ положенія объ охранѣ дѣятельность корпуса жандармовъ положеніемъ этимъ была освобождена. Со-

вокупностью перечисленных мѣръ устраненіе тѣхъ, возникавшихъ на почвѣ этики и логики, затрудненій къ стѣсненію личной свободы, о которыхъ было упомянуто выше, достигалось вполне.

Создалось два порядка изслѣдованія государственныхъ преступленій: одинъ, основанный по положеніи объ охранѣ, другой, предусмотрѣнный уставомъ уголовного судопроизводства. И чѣмъ больше первый проникался полицейской исключительностью, тѣмъ больше второй пріобрѣталъ значеніе процедуры судебной, не пріобрѣтая, конечно, ея достоинствъ. Онъ даже, несмотря на ничтожество присущихъ ему формъ, получилъ названіе порядка формальнаго, въ противоположность не знающему никакихъ формъ порядку охранному.

Одновременно съ изданіемъ положенія объ охранѣ въ столицахъ были учреждены—въ Петербургѣ при управленіи градоначальства, въ Москвѣ при канцеляріи оберъ-полицеймейстера, отдѣленія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, извѣстныя подъ названіемъ охранныхъ отдѣленій. Учрежденіе ихъ было вызвано тѣмъ, что, согласно положенію объ охранѣ, права ареста по „основательному подозрѣнію“ и ни на чемъ

не основанныхъ обысковъ были наравнѣ съ жандармскими чинами предоставлены мѣстнымъ начальникамъ общей полиціи. Последняя пріобщалась къ полиціи политической, и въ этой своей новой роли, въ крупныхъ центрахъ скопленія „противузаконныхъ сообществъ“ и политическихъ преступленій, нуждалась въ специальныхъ органахъ, каковыми и стали охранные отдѣленія. Ихъ учрежденіе было вызвано и иными соображеніями. Общая полиція въ дѣятельности своей по политическимъ дѣламъ могла-бы быть поставлена въ подчиненіе жандармеріи. Но при этомъ мѣстная административная власть, въ виду того обособленнаго и самостоятельнаго положенія, которымъ корпусъ жандармовъ обладаетъ на мѣстахъ, была-бы лишена всякаго вліянія на полицію, какъ органъ политическаго преслѣдованія, несмотря на свою отвѣтственность за результаты ея дѣйствій. И потому тамъ, гдѣ эта отвѣтственность въ зависимости отъ мѣстныхъ условий, усугублялась, для приданія административной власти большей отъ господства жандармеріи независимости и понадобилось снабдить эту власть органами, специализированными на политическихъ дѣлахъ. Они должны были явиться коррективами

къ описанному нами исключительному положенію корпуса жандармовъ среди мѣстныхъ учреждений. Но такъ какъ охранныя отдѣленія не получили права производства такъ-называемыхъ формальныхъ дознаній, т.-е. изслѣдованія государственныхъ преступленій въ порядкѣ устава уголовного судопроизводства, то ихъ обязанности свелись къ обнаруженію преступленій. Очевидно, что въ существованіи въ одномъ мѣстѣ двухъ учреждений, занятыхъ однимъ и тѣмъ-же дѣломъ, не было никакого смысла; и вслѣдствіе этого въ мѣстностяхъ, гдѣ были открыты охранныя отдѣленія, къ нимъ обязанность обнаруженія преступленій перешла всецѣло, а на корпусъ жандармовъ осталось одно изслѣдованіе преступленій, уже обнаруженныхъ, производство по нимъ формальныхъ дознаній.

30 Благодаря тому, что обязанности обнаруженія и изслѣдованія государственныхъ преступленій отдѣлены другъ отъ друга, какъ два различныхъ порядка дѣятельности полиціи, а отчасти, какъ было указано, между ними легла и формальная грань, изслѣдованіе преступленія стало вмѣстѣ съ тѣмъ и фактической провѣркой предшествующихъ его обнаруженію предпринятыхъ для послѣдняго мѣръ. Вполнѣ

понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда и обнаруженіе, и изслѣдованіе находятся въ рукахъ чиновъ полиціи, хотя-бы принадлежащихъ къ различнымъ полицейскимъ учреждениямъ, провѣрочное значеніе изслѣдованія никакихъ реальныхъ послѣдствій имѣть не можетъ. Они могли-бы достигаться въ нѣкоторой степени лишь участіемъ въ жандармскихъ дознаніяхъ прокуратуры. Но участіе это безвластно, вліяніе его на ходъ дознанія имѣетъ характеръ личный, случайный и потому формальное дознаніе въ качествѣ орудія контроля надъ первоначальными розыскными дѣйствіями политической полиціи никакого значенія не имѣетъ. На практикѣ оно ограничивается лишь закрѣпленіемъ того доказательнаго матеріала, который предшествующей розыскной дѣятельностью полиціи добытъ и къ дознанію доставленъ.

Итакъ, отдѣльный корпусъ жандармовъ былъ учрежденъ для охраны самодержавной монархической власти, ему поручена борьба съ государственными преступленіями. Онъ никакому надзору не подчиненъ, кромѣ надзора своего начальства. Онъ числится по одному вѣдомству, а подчиненъ главѣ другого. Онъ имѣетъ двухъ руководителей,—изъ нихъ одного закон-

наго, но безвластнаго, другого незаконнаго, но надѣленнаго властью. Для него законъ и приказаніе начальства по своему значенію тождественны. По отношенію къ нему населеніе находится въ положеніи безправномъ. Въ дѣйствительности своей онъ двоятъ по обнаруженію и преслѣдованію преступленій и самъ себя провѣряетъ.

Будучи поставлено въ такія условія, несовершеннѣйшее по качествамъ личнаго состава учрежденіе ничего, кромѣ произвола и, слѣдовательно, вреда для населенія и интересовъ государства принести не можетъ. Качества-же личнаго состава корпуса жандармовъ опредѣляются отсутствіемъ не только спеціальнаго, но и общаго образованія.

При отсутствіи элементарныхъ научныхъ понятій о правѣ, при знакомствѣ съ общественной жизнью только въ ея проявленіяхъ въ стѣнахъ военной школы и полковыхъ казармъ, все политическое міровоззрѣніе чиновъ корпуса жандармовъ заключается въ представленіяхъ о томъ, что существуютъ народъ и государственная власть, что послѣдняя находится въ непрестанной опасности со стороны перваго, что она подлежитъ отъ этой опасности

охранѣ и что для осуществленія таковой всѣ средства безнаказанно дозволены. Когда-же такое міровоззрѣніе совпадаетъ со слабо развитымъ сознаниемъ служебнаго долга и неспособностью по умственному развитію разобратъ въ сложныхъ общественныхъ явленіяхъ, то основанныя на немъ наблюденія останавливаются только на внѣшнихъ признакахъ этихъ явленій, не усваивая внутренняго ихъ содержанія, и потому всякое явленіе общественное принимаетъ характеръ для государственной власти опаснаго. Вслѣдствіе чего охрана государственной власти въ рукахъ корпуса жандармовъ обращается въ борьбу со всѣмъ обществомъ, а въ конечномъ результатѣ приводитъ къ гибели и государственную власть, неприкосновенность которой можетъ быть обезпечена только единеніемъ съ обществомъ. Усиливая расколъ между государственной властью и народомъ, она создаетъ революцію. Вотъ почему дѣятельность политической полиціи представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной.

Для политической близорукости правительственной власти понадобился внѣшній толчокъ, чтобы у нея появилось сознание опасности существованія въ государствѣ

особой политической полиціи. Когда въ 1902 г. ей впервые пришлось испытать внезапно вспыхнувшее народное движеніе, она остановилась на мысли объ упраздненіи этой полиціи. Были даже предприняты нѣкоторыя мѣры, клонившіяся къ ослабленію власти начальства корпуса жандармовъ надъ его составомъ, для укрѣпленія руководящей роли департамента полиціи съ тѣмъ, чтобы нѣсколько упорядочить дѣло на время, необходимое для реформы. Въ качествѣ палліативовъ эти мѣры никакихъ существенныхъ улучшеній не внесли, а проектъ реформы политической полиціи остался проектомъ, и отдѣльный корпусъ жандармовъ продолжаетъ свою разрушительную дѣятельность.

Она не могла не отразиться на дѣятельности полиціи общей. На разсмотрѣніи ея устройства и дѣятельности намъ и надлежитъ остановиться.

Учрежденія общей, наружной полиціи въ Россіи распредѣлены по губернскимъ и нѣкоторымъ съ значительнымъ населеніемъ инымъ городамъ и по уѣздамъ. Конструкція полиціи для городовъ и уѣздовъ однородна и состоитъ изъ трехъ степеней. Въ нее входятъ: полицейское управленіе съ полицеймейстеромъ или уѣзднымъ

исправникомъ, исполнительные чиновники и, какъ говорить законъ, „другіе полицейскіе чины“. Судя по этому перечню, можетъ возникнуть предположеніе, что во главѣ каждой городской или уѣздной полицейской организациі находится, подъ названіемъ „управленіе“, учрежденіе коллегіальное. Однако, подъ такимъ названіемъ, оставшимся въ сводѣ законовъ, въ видѣ пережитка прежнихъ уѣздныхъ административно-полицейскихъ органовъ, въ дѣйствительности существуетъ власть единоличная, ибо полицейское управленіе состоитъ только изъ полицеймейстера или исправника съ помощникомъ одного изъ нихъ. Этой единоличной власти непосредственно подчинены всѣ чиновники и чины города или уѣзда. Исполнительными чиновниками называются въ городѣ приставы, ихъ помощники и полицейскіе надзиратели, а въ уѣздахъ—становые приставы. Подъ „другими-же полицейскими чинами“ подразумеваются въ городахъ околоточные надзиратели, городовые и полицейскіе служители, а въ уѣздахъ урядники и стражники. Къ полицейскимъ чинамъ законъ причисляетъ и сельскихъ десятскихъ. Всѣ эти должностныя лица въ постепенности, обратной сдѣланному нами перечню ихъ, подчи-

нены одни другимъ. Какъ выше указано, вѣгородская полиція въ территоріальномъ отношеніи распредѣлена по уѣздамъ. Полиціи губернской, прикрѣпленной къ губернскому, чрезмѣрно удаленному отъ мѣстъ ея дѣятельности, центру, съ сосредоточеніемъ въ немъ непосредственнаго начальствованія надъ полиціей, нашъ законъ не знаетъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ существующія, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ полицейскія организаціи подчинены губернскому началству, губернскому правленію и губернатору, которымъ принадлежитъ руководство ихъ дѣятельностью. Хотя о подчиненіи губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ нигдѣ въ законѣ и не упоминается и исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано только для петербургскаго градоначальника „въ качествѣ главнаго и непосредственнаго начальника столичной полиціи“ (ст. 866 общ. учрежд. губерnsk.), хотя по смыслу закона губернаторы подчинены только сенату, но принадлежность ихъ къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, зависимость отъ него служебныхъ благъ губернаторовъ и всѣхъ подчиненныхъ имъ лицъ, наконецъ, признанная закономъ за министромъ внутреннихъ дѣлъ роль высшаго руководителя охраненіемъ

государственнаго порядка и общественнаго спокойствія создаютъ фактическое подчиненіе губернаторовъ, а черезъ нихъ и всѣхъ полицейскихъ учреждений, министру внутреннихъ дѣлъ. Подчиненіе полиціи губернскому и „высшему“ начальствамъ закрѣплено въ особенности тѣмъ постановленіемъ закона, которымъ не только за полиціей отрицается право оцѣнки требованій этихъ начальствъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, но ихъ распоряженія поставлены выше самого закона: статьею 756 общаго учрежденія губернскаго, полиціи запрещено даже „входить въ разсмотрѣніе ихъ законности“.

Строгое по служебнымъ степенямъ подчиненіе полицейскихъ властей всѣхъ ранговъ однимъ другимъ, сосредоточеніе этого подчиненія въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ и устраненіе личной инициативы низшихъ органовъ при исполненіи приказаній высшихъ, таковы основныя черты организаціи наружной полиціи. Въ областяхъ, непосредственному ея вѣдѣнію закономъ предоставленныхъ, эта организація страдаетъ не меньшей безжизненностью.

Устанавливая „предметы вѣдомства“ полиціи, законъ избѣгъ какихъ-либо общихъ опредѣленій. Вѣрнѣе, давъ эти общія опре-

дѣленія, онъ затѣмъ развилъ каждое изъ нихъ съ такою мелочною предусмотрительностью, что содержащійся въ законѣ перечень обязанностей полиціи получилъ значеніе, исчерпывающее ихъ. При этомъ порученные заботамъ полиціи отдѣльные предметы распредѣлены по категоріямъ совершенно случайно, внѣ всякой между ними связи. По существующимъ въ законѣ общимъ опредѣленіямъ „предметы вѣдомства полиціи касаются: 1) наблюденія за исполненіемъ законовъ, охраненія безопасности и дѣлъ общественнаго благоустройства, 2) исполненія обязанностей по дѣламъ казеннаго управленія и общественнаго хозяйства, 3) исполненія обязанностей по дѣламъ судебного вѣдомства и 4) исполненія обязанностей по дѣламъ военнаго вѣдомства“ (ст. 680 общ. учр. губ.).

38 При всей неясности и юридической неточности этихъ опредѣленій они едва-ли сами по себѣ въ практическомъ ихъ примѣненіи могли-бы привести къ такому вмѣшательству полиціи въ повседневную жизнь населенія, какое наблюдалось всегда, наблюдается и въ настоящее время. Изъ опасенія-ли, что это вмѣшательство окажется недостаточнымъ, или съ цѣлью убить въ полицейскихъ органахъ власти всякую ини-

ціативу и сдѣлать изъ нихъ механическихъ исполнителей неподвижныхъ требованій закона, послѣдній сначала въ семидесяти трехъ пунктахъ четырехъ статей, а затѣмъ въ дополнительныхъ къ нимъ семидесяти трехъ статьяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ свою очередь, разбиты на пятьдесятъ шесть отдѣльных пунктовъ, подробно перечисляетъ, что именно должна дѣлать полиція. Многочисленность возложенныхъ на нее обязанностей устраняетъ возможность подробнаго повторенія ихъ въ настоящемъ очеркѣ. Достаточно сказать, что на полицію возложено, начиная отъ „наблюденія за исполненіемъ всѣми и каждымъ вѣрноподданническаго долга“, „обнародованія указовъ и постановленій правительства“, „охраненія неприкосновенности правъ церкви православной“, составленія списковъ населенія, взысканія недоимокъ, до наблюденія за своевременностью ловли пиявокъ (28 п. 681 ст. общ. учр. губ.)—все, что только можно было предусмотрѣть. Законъ доходитъ до того, что поручаетъ десятскимъ особую обязанность „освѣдомляться въ своемъ десяткѣ о состояніи здоровья жителей“ (820 ст. общ. учр. губ.). Не вдаваясь въ детали всѣхъ, относящихся до дѣятельности полиціи, правилъ, необходимо отмѣтить, что они разви-

вались въ трехъ направленіяхъ: охраны личной и имущественной безопасности обывателя, доходящей до охраны его отъ самого себя, обезпеченія воздѣйствія центральной правительственной власти на мѣстную жизнь и охраны государственной власти отъ населенія.

При мелочномъ опредѣленіи всѣхъ обязанностей полиціи, распространяющихся на всѣ области жизни гражданъ, законъ исполнѣ естественно не могъ установить самага главнаго: предѣловъ власти полиціи. Кому предписано вмѣшательство во все, того и власть не можетъ быть ограничена. Поэтому законъ и не пытался опредѣлить ея предѣлы и ограничился только предусмотрительнымъ упоминаніемъ, что „полиція не можетъ ни отъ кого требовать исполненія по такому закону, который еще не былъ обнародованъ“, и что „никто изъ чиновъ полиціи самъ собою не можетъ ни на кого наложить уголовнаго наказанія“ (ст. 685 и 689 общ. учр. губ.). Границы полицейской власти очерчены только по дѣламъ уголовнымъ. Уставомъ уголовного судопроизводства, какъ мы уже указали, опредѣлены точно права полиціи на производство выемокъ, обысковъ и арестовъ. Но и постановленія этой части русскаго кодекса обхо-

дятъ молчаніемъ существенный вопросъ о правѣ входа полиціи въ частныя жилища. Въ сводѣ законовъ существуетъ одно постановленіе, которое, на нашъ взглядъ, должно служить косвеннымъ указаніемъ на молчаливое признаніе ими частнаго жилища для доступа полиціи закрытымъ. Ст. 18 положенія о полицейскомъ надзорѣ (приложеніе II къ ст. 1, примѣч. 2 устава о предупрежд. и пресѣчен. преступлен. т. XIV св. закон.) говоритъ, что „мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру поднадзорнаго во всякое время“, о чемъ не было бы надобности упоминать, если бы законъ признавалъ за полиціей право входа въ квартиры всѣхъ неподнадзорныхъ обывателей. Но отсутствіе прямого указанія на неприкосновенность жилища толкуется на практикѣ, какъ разрѣшеніе полиціи свободнаго въ нихъ доступа, и это толкованіе находитъ себѣ основаніе въ томъ, что безъ него многія изъ предъявляемыхъ закономъ къ полиціи требованій сдѣлались бы неисполнимыми.

Помимо законнаго опредѣленія размѣровъ власти они въ ея проявленіяхъ не могутъ не находиться въ зависимости отъ постановки надзора за ея дѣятельностью. Надзоръ за дѣятельностью полиціи нашимъ за-

кономъ поставленъ такъ, что объемъ ея власти получаетъ на практикѣ значительное расширеніе. Только въ сферѣ судебной дѣятельности полиціи, участія ея въ изслѣдованіи и преслѣдованіи преступленій и проступковъ она подчинена надзору болѣе или менѣе дѣйствительному. Продуктивность его обусловлена присутствіемъ у постороннихъ полиціи органовъ, прокуратуры и суда, дисциплинарной въ отношеніи ея власти и правомъ суда издавать постановленія о признаніи въ неправильныхъ дѣйствіяхъ полицейскихъ чиновъ основаній, достаточныхъ для судебного противъ нихъ преслѣдованія. Въ остальныхъ же областяхъ своей дѣятельности полиція, юридически находясь подъ надзоромъ своего непосредственнаго начальства и черезъ него подъ надзоромъ сената, на дѣлѣ остается внѣ надзора, вслѣдствіе бумажнаго его характера, отсутствія въ дѣятельности контролирующихъ полицію учреждений чувства законности и недоступности высшей надзирающей инстанціи, сената, для мелкихъ повседневныхъ нарушеній полиціей обязанностей службы и превышеній предѣловъ власти. Беснаказанность такихъ нарушеній, извѣстная и населенію, и полиціи, привела

ее къ сознанію ихъ дозволенности и полнѣйшей безграницности ея власти.

Чѣмъ шире задача, поставленная полиціи, чѣмъ безпредѣльнѣе ея полномочія и чѣмъ слабѣе ея поднадзорность и подзаконность, тѣмъ менѣе совершенна должна была стать ея дѣятельность. Вращаясь въ кругу логическихъ противорѣчій между охраной властью обывателей и охраной отъ нихъ же самой власти, она не могла не пойти по одному, крайне одностороннему направленію. Она стала игнорировать первую обязанность и сосредоточилась на второй. Къ этому ее побуждала также и сравнительная легкость успѣха на избранномъ ею пути. Тогда какъ для защиты интересовъ населенія, со стороны полиціи, какъ представительницы правительственной власти, требуются и самоограниченіе, и кропотливая положительная работа надъ каждымъ отдѣльнымъ явленіемъ, затрагивающимъ эти интересы, для охраны интересовъ власти необходимо только пассивное наблюденіе за господствующей въ обществѣ политической тенденціей и чисто-отрицательная дѣятельность запрета въ самомъ широкомъ его примѣненіи. Последнее поддается выполненію легче перваго, въ особенности вслѣдствіе наличности руководящаго принципа, въ

силу котораго проявленіе всякой политической тенденціи со стороны населенія безотносительно къ ея существу и формѣ признается противоправительственнымъ.

Отдавшись наблюденію за политическимъ настроеніемъ населенія преимущественно передъ другими отраслями своей службы, наружная полиція въ отношеніи специальной политической полиціи, жандармеріи, находилась на основаніи закона въ положеніи учрежденія вспомогательнаго. Обо всѣхъ обнаруженныхъ ею государственныхъ преступленіяхъ она не имѣла права производить изслѣдованія, но была обязана доводить до свѣдѣнія чиновъ корпуса жандармовъ, ограничиваясь принятіемъ какихъ-либо мѣръ только въ случаяхъ неотложности. Благодаря многочисленности своего состава и относительной близости его къ населенію, наружная полиція оказалась въ обладаніи большими, чѣмъ корпусъ жандармовъ, источниками освѣдомленности. Несмотря на это, никакой внутренней связи между этими двумя учрежденіями установлено закономъ не было: полиція являлась органомъ, добывавшимъ матеріалъ для корпуса жандармовъ, но ему не подчиненнымъ и дѣйствующимъ внѣ его руководства. Работая на корпусъ жандармовъ, полиція была

вынуждена нести трудъ большой, но въ глазахъ ея начальства мало замѣтный, ибо при оцѣнкѣ достигнутыхъ результатовъ имѣлась въ виду послѣдняя стадія всей процедуры обнаруженія и изслѣдованія преступленія, жандармское дознаніе, за которымъ предшествовавшая ему дѣятельность полиціи ступшеывалась. Послѣдствіемъ такого соотношенія между специальной и общей полиціей между ними явилась конкуренція, развившаяся въ особенности вслѣдъ за тѣмъ, какъ положеніемъ объ охранѣ общей полиціи была предоставлена самостоятельная роль въ дѣлѣ политическаго преслѣдованія.

Съ изданіемъ положенія объ охранѣ правительственная власть вернулась къ тому, что существовало до изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II, въ борьбѣ не съ уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ, а съ политическимъ настроеніемъ. Внѣшнія его проявленія, поскольку они даже съ точки зрѣнія исключительной подозрительности подлежали преслѣдованію, были настолько неуловимы, что полиціи пришлось обрушиваться на наиболѣе замѣтные для нея его признаки, выражавшіеся въ общеніи лицъ на идейной почвѣ. На наблюдавшееся въ населеніи стремленіе къ общенію

и направилась борьба. Она, подогрѣваемая соревнованіемъ другъ съ другомъ двухъ органовъ полиціи, достигла такого напряженія, что исконное начало русскаго законодательства, заключавшееся въ отрицаніи всякой общественной организаціи, получило господство неограниченное и проникло во всѣ стороны жизни населенія. Послѣдствія могли быть только одни; они были неизбѣжны и не замедлили сказаться. Съ одной стороны, общественныя организаціи, поставившія себѣ цѣлью вести съ правительствомъ борьбу, подъ вліяніемъ ея ожесточенія и возраставшей потребности къ самохраненію, приобрѣтали сплоченность и энергію, побѣда надъ которыми оказывалась не подъ силу разрозненнымъ органамъ полицейской власти. А съ другой стороны масса населенія, стремившаяся къ объединенію на почвѣ культурныхъ задачъ и вслѣдствіе своего мирнаго настроенія обладавшая меньшей силой сопротивленія, дѣятельностью полиціи раскалывалась на отдѣльныя единицы. Самая мысль о какомъ-либо объединеніи для нихъ стала страшной, и они всецѣло ушли въ замкнутый кругъ эгоистическихъ интересовъ, враждебныхъ другъ другу, враждебныхъ общественному благу. Неминуемое паденіе гражданскихъ

нравовъ и развившіяся на этой почвѣ явленія противуобщественныя по самому своему существу, а не въ условномъ пониманіи противуобщественныхъ явленій правительственной властью, выбросили жизнь изъ ея обычнаго теченія и ввергли ее въ анархію. Господствующая въ настоящее время въ Россіи анархія явилась прямымъ послѣдствіемъ той роли, которую полиція играла въ жизни народа. Справиться съ анархіей она будетъ не въ силахъ до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться тѣмъ, что она есть, орудіемъ дробленія народа на отдѣльныхъ обывателей, органомъ разрушенія общественнаго начала, разрушенія начала государственнаго.

Находятся защитники существующей организаціи полиціи, которые всѣ ея недостатки видятъ въ несущественныхъ подробностяхъ, едва ли не исключительно въ матеріальной необезпеченности полицейской службы, и требуютъ укрѣпленія началъ, на которыхъ она построена, на мѣстахъ и въ центрѣ. Защитниковъ современнаго устройства полиціи два года тому назадъ среди общества не находилось. Они появились въ революціонный періодъ подъ вліяніемъ тѣхъ же эгоистическихъ интересовъ и стремленій, въ паникѣ искавшихъ спасенія

подъ охраной грубой силы, возведенной въ принципъ, подъ впечатлѣніемъ дѣйстви-тельно оказываемаго полиціей во многихъ случаяхъ самопожертвованія въ борьбѣ съ от-крытыми проявленіями политическаго тер-рора. Такая защита носить характеръ вре-менный, скоро проходящій. И въ тяжелые дни, переживаемые нами, надо дать себѣ отчетъ въ томъ, что полиція до революці-оннаго періода дѣлала, какому стѣсни-тельному надзору подвергала она людей порядка, какъ мало она служила послѣ-днему, какъ расшатывала она единствен-ную основу порядка, законъ. Надо дать себѣ отчетъ также и въ томъ, что не толь-ко центральная власть, но даже мѣстныя губернскія власти никакого объединенія и упорядоченія въ дѣятельность полиціи не вносили, что даже въ нормальный, до-рево-люціонный періодъ полицейская практика отличалась такой же пестротой, какъ уѣзды на картѣ Россіи, что запрещенное въ однихъ было дозволено въ другихъ, а мѣстами даже, вопреки единственному указанному въ законѣ ограниченію полицейской вла-сти, чины полиціи „сами собой“ стали „на-лагать уголовныя наказанія“, и что когда даже слабые проблески понятія законности полиція отбрасывала, центральная власть

48

оказывалась безсильной не только объеди-нить и поставить дѣятельность полиціи въ рамки закона, но даже прекратить тѣ от-дѣльныя злоупотребленія, которыя она сама признаетъ злоупотребленіями. Надо воспользо-ваться тяжелымъ опытомъ, и въ ясномъ сознаніи невозможности дальнѣйшаго суще-ствованія нѣсколькихъ полицій, другъ съ другомъ борющихся, ничѣмъ не объединен-ныхъ, несущихъ службу, враждебную насе-ленію, и не сдерживаемыхъ никакимъ над-зоромъ, перейти къ скорѣйшему преобразо-ванію полиціи на новыхъ началахъ.

До сихъ поръ мы пытались выяснить государственное значеніе тѣхъ основъ, на которыхъ полиція въ Россіи построена и дѣиствуетъ. Значеніе это можетъ быть при-знано только отрицательнымъ. Основы со-временной полицейской организаціи оказа-лись негодны даже при томъ государствен-номъ строѣ, который въ Россіи свое суще-ствованіе отжилъ, — они не могутъ найти себѣ мѣста при ея обновленіи. Гдѣ же мо-гутъ быть почерпнуты тѣ принципы, кото-рые должны лечь въ основу нашихъ буду-щихъ полицейскихъ учрежденій? Мы жела-ли бы предостеречь читателей отъ невольно напрашивающихся поисковъ отвѣта на этотъ вопросъ въ готовыхъ формахъ поли-

49

цейскихъ учреждений западной Европы. Едва ли опытъ ихъ можетъ быть образцомъ для Россіи въ виду исключительныхъ размѣровъ ея территоріи, своеобразности нравовъ ея населенія и бытовыхъ условій его жизни. Опытъ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ и не заслуживаетъ подражанія. Россія слишкомъ долго и много терпѣла отъ произвола, бездѣйствія и корыстолюбія своихъ полицейскихъ властей, чтобы переносить на свою почву существующія во Франціи и Австріи системы организаціи полиціи, отличающейся тамъ крайнимъ произволомъ, или заимствовать устройство итальянской полиціи, грѣшащей бездѣятельностью и вошедшими въ обиходъ соглашеніями съ преступными элементами общества. На континентѣ до сихъ поръ достойна подражанія была полиція германская. Но, во-первыхъ, свойственное ей уваженіе къ правамъ народа было обусловлено болѣе сравнительной незначительностью этихъ правъ и органически присущимъ нѣмцамъ чувствомъ законности, чѣмъ качествами организаціи, а, во-вторыхъ, наблюдавшіяся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ со стороны нѣмецкой полиціи проявленія произвола заставляютъ сомнѣваться въ томъ, чтобы ея репутация законности

вышла непоколебленной изъ испытанія, которое она готовитъ себѣ въ борьбѣ съ растущимъ въ Германіи социаль-демократическимъ движеніемъ. Остается примѣръ Англіи. Но организація полиціи въ Англіи настолько оригинальна, въ такой мѣрѣ является отраженіемъ индивидуальных особенностей націи,—въ томъ, что на континентѣ лежитъ на обязанности полиціи, въ Англіи такъ велико участіе частной инициативы, что перенесеніе къ намъ ея полицейскихъ учреждений было бы возможно только съ воплощеніемъ въ насъ всего духовнаго облика великобританца. Мы думаемъ, что основы устройства русской полиціи могутъ быть найдены помимо обращенія къ западно-европейскимъ образцамъ.

Конструкція полицейскихъ учреждений можетъ быть цѣлесообразной, приносить обществу пользу только тогда, когда она соотвѣтствуетъ государственному строю страны. Это основное положеніе, правильность котораго доказывать нѣтъ надобности, обязываетъ насъ для дальнѣйшаго изслѣдованія остановиться въ нѣсколькихъ словахъ на томъ, какъ мы лично понимаемъ слагающійся въ Россіи государственный строй.

У насъ еще многимъ охватившее Россію

движеніе представляется стремленіемъ интеллигентнаго меньшинства къ отвоеванію власти у правящей бюрократіи, для господства надъ народомъ; его отношеніе къ этой борьбѣ они рисуютъ себѣ безразличнымъ по существу, но связаннымъ съ будто бы ложными въ своей основѣ ожиданіями отъ нея разрѣшенія земельного вопроса. Проявленія активнаго участія народныхъ массъ, крестьянства, въ революціи они объясняютъ себѣ только какъ результатъ агитаціи, увлекающей крестьянъ въ политику „обманными“ обѣщаніями земельного равенства. Между тѣмъ, корни движенія лежатъ не только „въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними его формами“ (см. всеподданнѣйшій докладъ графа Витте), но прежде всего въ противорѣчьи послѣднихъ реальнымъ потребностямъ народныхъ массъ. Жизнь при прежнихъ порядкахъ стала невозможной не для одной интеллигенціи,—она невыносима для всего народа. И онъ испытываетъ не одну жажду земли, какъ источника благосостоянія, а также воспитанная многими годами ненависть къ словесному неравенству и презрѣніе къ чиновничеству, какъ къ причинамъ разруше-

нія благосостоянія. Встрѣчи помѣщиковъ и губернаторовъ съ хлѣбомъ-солью, стоянье передъ „господами“, земскими начальниками и станowymi безъ шапокъ, именованіе урядника начальствомъ, а барина „своимъ“—свидѣтельствовали лишь о духовной приниженности крестьянства и ни мало не доказывали ни его сочувствія чужимъ привиллегіямъ, ни его уваженія къ представителямъ власти. Внѣшніе ихъ признаки разсѣивались какъ прахъ, когда нужда, а иногда вмѣстѣ съ нею просвѣщеніе или вмѣсто него пропаганда открывали населенію глаза на дѣйствительное значеніе для него правового и соціальнаго неравенства и чиновничьяго строя. Жизнь и даже бумажный матеріалъ министерскихъ архивовъ содержатъ несомнѣнныя тому подтвержденія. При наличности этихъ данныхъ, ограниченіе участія въ современномъ движеніи только „мыслящими“ слоями народа является результатомъ политической близорукости даже для тѣхъ, кто отрицаетъ несомнѣнность того, что въ настоящее время вся Россія начинаетъ „мыслить“. Этимъ движеніемъ, поскольку оно носитъ оттѣнокъ политическій, охвачено все населеніе Россіи. Оно проникнуто непримиримой враждой къ приказному строю и добивается

не ограниченія, а полного его упраздненія. Какія бы препятствія ему ни ставились, оно неудержимо смететъ и ихъ, и всѣ противорѣчащія ему учрежденія стараго порядка, если ему не суждено будетъ нормальнымъ путемъ найти удовлетвореніе своимъ конечнымъ цѣлямъ. Стремленіе къ упраздненію господства бюрократическаго принципа не есть стремленіе къ анархіи. Въ немъ заключается положительное начало демократическое. И въ созданіи формъ, способныхъ воплотить начало, и состоитъ задача предстоящаго государственнаго строительства.

Господство демократическаго принципа можетъ быть обезпечено только взаимодействіемъ участія всего населенія, а не одного „мыслящаго“ общества въ законодательствѣ, распоряженіи народными деньгами и контролѣ надъ исполнительной властью и сосредоточеніи власти активнаго управленія на мѣстахъ въ рукахъ всего населенія, въ полномъ, ограниченномъ только закономъ и надзоромъ за соблюденіемъ послѣдняго, мѣстномъ самоуправленіи. Его враги, сводящіе его компетенцію къ дѣламъ общественно-хозяйственнымъ въ сущности преимущественно изъ страха потери власти,

выдвигаютъ противъ него возраженія, оспаривать большинство которыхъ не позволяютъ задачи и объемъ нашего очерка. Но между ними есть одно, которое нельзя обойти молчаніемъ. Это — пресловутая ссылка на отсутствіе у лицъ, которыми самоуправленіе располагаетъ для пополненія своихъ исполнительныхъ органовъ, административнаго опыта, столь будто бы отличающаго нашу чиновную администрацію. Эта ссылка для ~~для~~ нашей бюрократіи служить несомнѣннымъ *testimonium paupertatis*, отрицаніемъ ея административнаго опыта, ибо если онъ имѣетъ какую-нибудь цѣну, то почему бы ему не найти примѣненіе въ самоуправляющихся административныхъ единицахъ. Но мы существованіе такого опыта въ видѣ общаго правила въ нашихъ администраторахъ и отрицаемъ. Столоначальники и начальники отдѣленій министерскихъ канцелярій, назначаемые вице-губернаторами, губернаторы, назначаемые изъ числа такихъ вице-губернаторовъ, полковые командиры, занимающіе губернаторскіе посты, — какой административный опытъ приносятъ они на мѣста? Какими знаніями мѣстной жизни, какими, вообще, знаніями обладаютъ они для того, чтобы пополнять собою касту правителей? Почему

предводители дворянства и предсѣдатели земскихъ управъ, часто далеко не лучшіе, будучи призваны на отвѣтственные административныя должности по выбору министровъ, основанному едва ли не въ большинствѣ случаевъ на рекомендаціяхъ родныхъ и знакомыхъ, должны считаться надѣленными достаточнымъ для пользы дѣла служебнымъ опытомъ, а тѣ-же или, можетъ быть, лучшіе люди по избранію населенія, на тѣ-же должности будутъ посылаться только для того, чтобы учиться? Мы, русскіе, были отодвинуты отъ государственной жизни такъ далеко, такъ мало были посвящены въ дѣла управленія, что мы долго не замѣчали, что и государственная жизнь, и управленіе шли исключительно по инерціи. Результаты ея дѣятельности приписывались дѣятельности бюрократическаго механизма. О немъ у многихъ изъ насъ еще до сихъ поръ существуетъ представленіе, какъ о чемъ-то цѣльномъ и стройномъ, о людяхъ, руководящихъ имъ, какъ объ обладателяхъ какого-то особаго, имъ однимъ извѣстнаго, секрета управленія, именуемаго „административнымъ опытомъ“. Мы не знали, что подъ этой вывѣской скрывается рутина, а сплошь и рядомъ одно невѣжество.

Теперь, когда гипнозъ, въ которомъ мы жили, разсѣивается, необходимо признать негодность довода объ отсутствіи у общественныхъ дѣятелей административнаго опыта и всѣ дѣла мѣстнаго управленія передать въ ихъ руки. Мѣстнымъ самоуправляющимся единицамъ должна быть передана охрана частной и общественной безопасности, охрана порядка, должно быть поручено завѣдываніе полиціей.

Подъ порядкомъ въ томъ смыслѣ этого слова, который долженъ получить въ Россіи господство, разумѣется спокойное пользование каждымъ и всѣми вмѣстѣ имущественными, личными и политическими правами, удовлетвореніе индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ въ ихъ законномъ опредѣленіи. Исполненіе требованій порядка обеспечивается исключительно отвѣтственностью исполнительныхъ органовъ. А между тѣмъ, если власть, передъ которой они отвѣтственны, будетъ сосредоточена въ государственномъ центрѣ, въ народномъ собраніи, она будетъ обречена на безжизненность, такъ какъ неизбежная при современномъ состояніи Россіи необходимость постояннаго, изо дня въ день, пользования правомъ запросовъ неминуемо приведетъ парламентъ къ притупленію въ немъ

чувства негодованія къ злоупотребленіямъ власти, когда съ этими злоупотребленіями приходится сталкиваться въ видѣ обыденныхъ явленій, при томъ не испытывая ихъ на себѣ, а знакомясь съ ними по описаніямъ съ чужихъ словъ. Для дѣйствительности отвѣтственности исполнительныхъ органовъ контроль надъ ними долженъ быть распредѣленъ между центральными и мѣстными представительными учрежденіями. И въ осуществленіи послѣдняго требованія лежитъ залогъ соблюденія порядка на мѣстахъ, ибо въ немъ заинтересовано само населеніе, и оно выборомъ лицъ, на которыхъ забота объ охранѣ порядка будетъ возложена, надзоромъ за ихъ дѣятельностью обезпечить свою безопасность.

Охрана порядка заключается въ активномъ, соединенномъ съ устраненіемъ нарушеній и преслѣдованіемъ ихъ (конечно, въ судебномъ порядкѣ), наблюденіи за тѣмъ, чтобы дѣйствіе или бездѣйствіе однихъ лицъ не стѣсняли другихъ въ пользованіи ихъ правами и въ удовлетвореніи признанныхъ за ними закономъ интересовъ. Это опредѣленіе исключаетъ созданное русскимъ закономъ понятіе „предупрежденія преступленій“. Не останавливаясь на разборѣ

всѣхъ составныхъ частей этого понятія, подробно перечисленныхъ въ особомъ, посвященномъ ему, уставѣ, можно сказать, что въ него входитъ надзоръ надъ совѣстью и нравами населенія. Онъ никогда никакихъ преступленій предупредить, конечно, не былъ въ состояніи. Но и вообще предупрежденіе преступленій, какъ предусмотрѣнный закономъ специальный видъ дѣятельности полиціи, представляется юридическимъ nonsens'омъ, такъ какъ для осуществленія его необходимо проникновеніе въ души обывателей, само по себѣ не допустимое и не поддающееся никакой юридической нормировкѣ. Единственнымъ средствомъ предупрежденія преступленій является внѣдряемое во всѣ слои населенія закономѣрнымъ примѣненіемъ судебного возмездія сознаніе его неизбежности. Таковая въ значительной мѣрѣ находится въ зависимости отъ участія полиціи въ обнаруженіи и изслѣдованіи преступленій.

Насколько охрана порядка должна, по нашему мнѣнію, принадлежать организованному въ самоуправляющіяся единицы населенію, настолько дѣятельность полиціи въ области судебного преслѣдованія преступленій должна, мы думаемъ, быть обособлена отъ дѣятельности перваго рода и

подчинена органамъ государственнаго обвиненія. Объединеніе въ одномъ учрежденіи завѣдыванія этими двумя отраслями дѣятельности полиціи неминуемо повлечетъ за собой развитіе одной въ ущербъ другой. Необходимость для борьбы съ преступленіями специальныхъ способностей, знаній и навыка качествъ, далеко не совпадающихъ съ качествами блюстителя порядка, требуетъ распредѣленія ихъ по двумъ самостоятельнымъ учрежденіямъ. А нужное для сокращенія труда и пользы дѣла сближеніе полицейскаго розыска и судебного слѣдствія, недоступное при подчиненіи полиціи самоуправляющимся организаціямъ, найдетъ себѣ удовлетвореніе въ учрежденіи специальной полиціи, находящейся въ рукахъ прокурорскаго надзора. Всѣ эти соображенія заставляютъ высказаться за цѣлесообразность созданія такъ называемой судебной полиціи съ возложеніемъ завѣдыванія ею на прокуратуру. При этомъ нельзя не сдѣлать оговорку о томъ, что сфера признаваемого закономъ преступнымъ въ отношеніи политической дѣятельности лицъ и обществъ должна значительно сократиться съ соотвѣтственнымъ приростомъ ихъ правъ, и что не только по практическимъ основаніямъ, приведеннымъ нами въ пре-

60

дыдущихъ очеркахъ, но и по принципиальному соображенію объ очевидной несовмѣстимости существованія конституціоннаго строя и специальной полиціи политической, — обязанности ея должны совпасть съ обязанностями полиціи судебной.

Высказываясь за отдѣленіе судебной отъ общей полиціи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отсутствія на мѣстѣ, гдѣ происходитъ подлежащее вѣдѣнію полиціи событіе, представителей одного изъ ея видовъ — представители другого замѣняютъ первыхъ и что въ случаяхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ, и тѣ и другіе обязаны оказывать другъ другу содѣйствіе.

Что касается устройства полиціи, то для обоихъ, намѣченныхъ нами, ея учрежденій мы одинаково отрицаемъ цѣлесообразность какъ военной организаціи, такъ и примѣненія въ какой-либо формѣ выборнаго начала. Въ отношеніи первой, мыслимой для полиціи, построенной по бюрократическому принципу, мы полагаемъ, что организація эта, оправдываемая только расчетомъ на присущую ей дисциплину, не имѣетъ за собой достаточныхъ достоинствъ для примѣненія къ полиціи. Внѣшняя дисциплина, воспитываемая въ войскѣ даже въ надле-

61

жащемъ соотношеніи съ развитіемъ личной инициативы, не ограничиваетъ послѣднюю только въ мѣрѣ, необходимой для приложенія въ сравнительно узкой сферѣ войны. Введенная въ гражданскую службу, она или ослабнетъ и такимъ образомъ перестанетъ быть оправданіемъ пользы военной организаціи, или заглушитъ личную инициативу настолько, насколько она необходима на широкомъ поприщѣ общественнаго служенія. Военная организація для полиціи непригодна еще и потому, что немислима безъ обязательства срочной службы, вслѣдствіе чего омерщвляетъ личный интересъ къ ней и личный стимулъ ея успѣшнаго исполненія. Наконецъ, военная организація внѣ военного вѣдомства окажется военной только по названію, а будучи подчинена въ строевомъ отношеніи одному лицу, а въ порядкѣ дѣятельности другому, она очутится въ рукахъ двоихъ хозяевъ, совмѣстное завѣдываніе которыхъ приведетъ къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, которые достаточно извѣстны на основаніи картины дѣятельности въ Россіи корпуса жандармовъ. О какомъ-либо выборѣ населеніемъ личнаго состава полиціи, на нашъ взглядъ, не можетъ быть рѣчи потому, что испробованный въ этомъ отно-

шеніи въ Россіи опытъ назначенія сотскихъ и десятскихъ путемъ выбора далъ результаты весьма отрицательные. Тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно осуществлялся, означенныя должности замѣщались въ зависимости не отъ соотвѣтствія избираемыхъ требованіямъ службы, а отъ соображеній иного свойства, какъ, напримѣръ, равномерности распределенія общественныхъ обязанностей и по инымъ мотивамъ. Тамъ же, гдѣ крестьянская община была экономически сильной, она спѣшила замѣнить выборъ десятскихъ и сотскихъ ихъ наймомъ, тѣмъ самымъ доказывая практическую непригодность перваго способа пополненія полиціи. Пополненіе ея путемъ избранія представляется намъ непрактичнымъ еще и потому, что въ извѣстной степени снимаетъ отвѣтственность за ея дѣйствія съ ея руководителей, давая имъ возможность защищаться отъ нареканій въ упущеніяхъ качественными недостатками личнаго состава ихъ подчиненныхъ, каковыя недостатки должны ложиться на отвѣтственность этихъ руководителей, если назначеніе на полицейскія должности будетъ зависѣть отъ нихъ. Такой порядокъ назначенія, кромѣ того, укрѣпитъ необходимую въ полицейской службѣ дисциплину. По всѣмъ этимъ основаніямъ

мы полагаемъ, что и общая, и судебная полиціи должны комплектоваться по назначенію лицъ, поставленныхъ во главѣ этихъ учреждений.

Вопросъ о территориальныхъ границахъ учреждений общей полиціи, не представляющій для его разрѣшенія затрудненій для городовъ съ самостоятельной полиціей, не можетъ не быть сложнымъ для уѣздовъ. По этому поводу намъ кажется необходимымъ признать, что существованіе полиціи губернской не должно быть допускаемо по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ ея не существуетъ и теперь, въ виду значительности территоріи губерніи и отдаленности руководящаго центра отъ мѣста пребыванія и дѣятельности органовъ полиціи. Поставленный нами вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ вопросу о выборѣ между уѣздной и еще менѣе крупной участковой полиціей. Намъ думается, что послѣдняя форма создастъ такое раздробленіе полиціи, такую пестроту въ ея практикѣ, такое отсутствіе взаимодѣйствія между отдѣльными полицейскими учрежденіями на пространствѣ уѣзда, что теченіе жизни его населенія не можетъ отъ этого не пострадать. Къ тому же, вызывающее необходимость отклоненія предположеній объ образованіи

губернской полиціи разнообразіе условій жизни въ разныхъ частяхъ губерніи отпадаетъ, какъ основаніе для подраздѣленія уѣзда на участки съ самостоятельными полицейскими учрежденіями въ каждомъ. Вслѣдствіе чего предпочтеніе должно быть оказано полиціи уѣздной, и она должна составить общій типъ нашей будущей внѣгородской полиціи, съ руководящимъ центромъ въ уѣздномъ городѣ. Ея личный составъ долженъ имѣть постоянное распредѣленіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ уѣзда. Что же касается территоріи, подвѣдомственной полиціи судебной, то границы ея, опредѣляясь специальными ея задачами, должны совпадать съ границами округа суда и состоящаго при немъ прокурорскаго надзора. При чемъ для личнаго состава и этой полиціи необходимо размѣщеніе по различнымъ населеннымъ пунктамъ ея округа.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ устройство полиціи безопасности и полиціи судебной, мы должны высказаться о томъ, къ чьимъ обязанностямъ надлежитъ отнести цѣлый рядъ дѣйствій полиціи по исполненію многочисленныхъ требованій разныхъ учреждений, какъ-то: оглашеніе законовъ и распоряженій законныхъ властей, доставленіе правительственнымъ установленіямъ въ за-

кономъ указанныхъ случаяхъ свѣдѣній, врученіе повѣстокъ о вызовѣ къ суду и т. п. Всѣ эти исполнительныя дѣйствія, при новомъ складѣ государственной и мѣстной жизни въ значительно, конечно, сокращенномъ количествѣ, безъ какихъ-либо затрудненій могутъ быть поручены, находящейся въ непосредственной близости къ населенію, общей полиціи. Причемъ лица, во главѣ ея поставленныя, должны быть не только управомочены, но и обязаны оцѣнивать законность предъявляемыхъ имъ въ этомъ порядкѣ требованій.

Противъ рекомендуемой нами организаціи полиціи могутъ появиться возраженія, основанныя на предположеніяхъ о недостаточной обеспеченности при ней судебной кары за нарушенія полиціей частныхъ правъ и интересовъ и за небреженіе къ охранѣ основныхъ законовъ и къ правамъ бюрократическихъ учрежденій. Поскольку за этими соображеніями не кроется страхъ передъ мнимой опасностью, они представляются легко устранимыми. Достаточно лишь не ставить ни общую, ни судебную полицію въ привилегированное положеніе ни въ отношеніи къ населенію, ни въ отношеніи къ правительственнымъ органамъ.

66 Достаточно освободить и первое, и послѣд-

ніе въ судебномъ преслѣдованіи полиціи отъ тѣхъ препятствій, которыя создаются существующей нынѣ зависимостью этой процедуры отъ усмотрѣнія полицейскихъ начальствъ. Съ предоставленіемъ указанію въ частной жалобѣ и въ сообщеніяхъ должностныхъ мѣстъ и лицъ на уголовно-наказуемыя дѣянія полиціи—значенія обязательнаго повода къ возбужденію судебнымъ слѣдователемъ слѣдствія, для какихъ-либо опасеній передъ возможностью со стороны органовъ самоуправления и со стороны прокуратуры безнаказанности преступленій подчиненныхъ имъ полицейскихъ учреждений не останется никакихъ основаній, и порядкомъ этимъ будутъ вполне обеспечены и охрана закона, и неприкосновенность чьихъ-либо правъ. Впрочемъ, указанное правило должно быть общимъ для всѣхъ преступленій по службѣ, къ какимъ бы учрежденіямъ лица, совершившія ихъ, ни принадлежали.

Сводя въ нѣсколько общихъ положеній все сказанное нами о желательной, при новомъ государственномъ строѣ, организаціи полиціи въ Россіи, мы находимъ, что:

1) завѣдываніе дѣлами по охранѣ порядка, частной и общественной безопасности должно быть поручено самоуправляю-

67

щимся учрежденіямъ, въ завѣдываніи которыхъ для исполненія этихъ дѣлъ должна находиться полиція;

2) полиція, вѣдающая дѣла по охранѣ порядка, частной и общественной безопасности, подчиняется въ городахъ городскимъ управамъ, а въ уѣздныхъ мѣстностяхъ—уѣзднымъ земскимъ управамъ;

3) для обнаруженія преступленій и участія въ изслѣдованіи и преслѣдованіи ихъ, въ каждомъ округѣ окружнаго суда должна быть учреждена особая судебная полиція, подчиненная прокурорскому надзору;

4) личный составъ обѣихъ этихъ полицій пополняется путемъ назначенія, исходящаго отъ учреждений, которымъ онѣ подчинены;

5) въ законѣ предусмотрѣнныхъ случаяхъ учрежденія общей и судебной полицій обязаны оказывать другъ другу содѣйствіе;

6) представители каждой изъ нихъ исполняютъ обязанности другой при отсутствіи ея представителей на мѣстѣ событія, вызывающаго вмѣшательство полиціи;

7) общая, подчиненная городскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ, полиція обязана исполнять всѣ основанныя на законѣ

требованія общественныхъ и правительственныхъ учреждений и должностныхъ лицъ.

Таковы основныя начала, на которыхъ полиція въ Россіи, по нашему крайнему разумѣнію, должна быть построена.

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

І ОТДѢЛЪ.

Политическая библіотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англіи. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Іеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ I. Конституціи Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларация правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ II. Конституціи Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собраніе конституцій. Выпускъ III. Конституціи Швеціи, Норвегіи. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

II

Собраніе конституцій. Выпускъ IV. Конституціи Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ V. Конституціи Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человекъ. (Начало и цѣль цивилизаціи). Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянского. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Іеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Официальные документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянский. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика социализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Національномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бebelъ. Женщина и социализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника социалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Ц. 35 к.

III

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

II ОТДѢЛЪ.

Научная бібліотека.

Д-ръ Котикъ. Эманация психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к.

А. Риги. Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.

Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковского. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Печатается и на-дняхъ поступить въ продажу:

Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: пр. Сельско-хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ.

III ОТДѢЛЪ.

Библиотека художественной литературы.

Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р. 50 к.
А. А. Лопухинъ (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебной дѣятельности. М. 1907 г. Цѣна 50 к.

Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 2-ое изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ). 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I, съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма. — Смерть, новелла. — Мгновенія жизни, драма. — Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма. — Поручикъ Густель, новелла. — Анатолий, діалоги. — Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатолия передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай. — Покрывало Беатриче. — Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Нового года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма. — Интермеццо, драма. — Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Малень. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчелъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Г. Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., нумерованные — 3 р.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

VI

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинь слезъ. Въ часть чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія 1. Eripsyhidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Cupio Dissolvi.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. Съ предисловіемъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Homo Sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ“. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Ханссонъ. Путями души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ кувяскихъ полей).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1906 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ. Вѣчная сказка.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и рассказы. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царина Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

VII

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и рассказы. 2-ое изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (1. Страхъ смерти. 2. Уличная революція. 3. Въ преріи. 4. Привидѣніе. 5. Гастроль). Завоеватель. Викторія.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. Повѣсти и рассказы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодъ. У царскихъ вратъ,—драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. Повѣсти и рассказы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ,—романъ. Вечерняя заря,—драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Новъ—романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и рассказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе М. 1907 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ переплета—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

VIII

Содержаніе: О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. Вѣрѣ леди Уайндермеръ.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Ту-чапской. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: **Отрывки.** Гимнъ Аполлону. Триумфъ. Двойная смерть. Заколдованная княжна. Карьера попугая. Гробы. Дождь. Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Ледяная вершина. Мо-нархъ. Кукла. Изъ воспоминаній художника. Къ небу. Стихо-творенія въ прозѣ. Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза. На Везувіѣ. Черный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ. **Бездна.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. Переводъ А. Торскаго. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Революція—драма.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь! — Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.

Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографиро-ванное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Генрикъ Ибсенъ. Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.

Э. Лабишъ и Делакуръ. Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣй-ствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.

Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ порт-ретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

IX

Треплевъ. Молодое сознаніе, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ порт-ретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

С. Выспянский. Варшавянка,— драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Японскія сказки. Переводъ В. Ф. Коршъ. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Э. Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Э. Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Танъ. Мужики въ Государственной Думѣ. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. На тракту,—повѣсть. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. Красное и черное. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Опять на родинѣ. Христосъ на землѣ, фантазія. Сонъ тайнаго совѣтника. На тракту, очерки изъ жизни петербург-скихъ рабочихъ. Дни свободы повѣсть изъ московскихъ событій. По губерніи безпокойной. Крестьянскій союзъ. Первый крестьян-скій съѣздъ въ Москвѣ. Совѣщаніе въ Гельсингфорсѣ. Мужики въ Думѣ. Долго ли? Легенда о счастливомъ островѣ.

Берентъ. Гнилушки,—романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VIII.

А. И. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 2-ой.

Лагерлефъ. Собраніе сочиненій.

Поступили на складъ:

Бр. Гримъ. Сказки и легенды въ переводѣ А. Федорова-Давыдова. 2-ое изданіе Уч. К. М. Н. П. **одобрено** въ средн. и низш. уч. зав. Т.т. 1-ый и 2-ой Цѣна за два тома 3 руб., въ коленкор. пер. 4 руб.